

Валерия
Крутова

ШЫМКЕНТСКИЙ ТРИПТИХ

СЛОЁНЫЙ ГОРОДОК

Однажды все люди собрали кости и ушли из города. Ни одной могилы не оставили. Зато оставили глиняные горшки, сырцовые стены и гул одиночества в них. На место этих людей через несколько лет пришли другие. Только стены и горшки замело песком времени. Новые люди принесли с собой горшки и камни, построили стены и развернули рынок. Но ни одной могилы с собой не принесли. Подумали – сами справимся. И начали умирать. Их хоронили, поверх могил рождали новых людей.

И так по кругу. Город рос над собой, старые стены уходили под землю, новые стены вставали защитой, старые горшки бились о время, новые лепились морщинистыми руками. Ветер заметал постройки, междоусобицы разрушали быт, люди сменяли друг друга так быстро, что Земля не успевала вертеться, а земля не успевала цвести.

Когда я проезжала по старому городу, в центре которого высилась огромная насыпь, спрашивала:

– Там люди живут, что ли? – показывала на тазы, стоящие на краю самодельных пещерок.

– Наверное, везде живут люди. И всегда жили. Кто-то да точно живёт. Отсюда все мы живем, сначала старый город отсюда жил, потом весь Шымкент, – отвечал мне кто-нибудь.

А брат протяжно говорил: у-у-у-у-у, там призраки живут! Призраки, они выходят из песков, откашливаются и идут тебя искать.

Я прятала лицо в ладонях. А брат уже нормальным голосом: помнишь, фильм «Мумия» смотрели? Вот так из песка и придут.

Ай. Страшно.

Потом вспоминала зачем-то:

– А тазы для чего призракам?

– Чтобы ко-о-о-ости твои сложить и унести.

«Ойбай, койшы, балапан! Қарындасың қатты қорқады? Ойба-а-ай!»¹ – говорила соседка брату. И мне: «Кел, айналайын»². Обнимала.

¹ «Ой, перестань, пенчик! Сестренка твоя очень боится? Ой-ой-ой!»

² «Иди ко мне, дорогая!»

Брат отвечал: да ничего она не испугалась, смотрите, как улыбается.

А я улыбалась слову «айналайын», кружилась внутри него, куталась и засыпала, видела слоённый городок, который совсем скоро, через целую вечность, начнут раскапывать и находить горшки и кости, стены и залы, улыбки и печали. Однажды, четырнадцать метров назад, найдут тридцать упакованных хумов с костями, которые не забрали с собой первые люди. Кости встают из песка, греются в тазах и ждут, когда придёт следующая экскурсионная группа.

ЛЕПЕСТКИ ГОРЯТ НА СОЛНЦЕ

1

В самом центре у окраины Шымкента жила старушка. Каждый осенний день она выходила в палисадник у дома и закапывала надувные воротники в землю. Весной палисадник расцветал серыми розами с крупными ароматными бутонами. По утрам с лепестков капали слёзы. Старушка смотрела – не отходила от окна до зимы.

Она смотрела то вверх, то вниз. То на небо, то на землю. Небо-земля сливались в конце концов, и старушка засыпала до следующей весны.

По небу летал её сын. Летал и, когда ещё помнил о ней, делал круг над домом так, чтобы мама видела, что он возвращается. Круги по небу расходились, собирались в кольца времени, деревенели и падали на землю. Сын летал всё реже. А когда прилетал, привозил бортовой набор – беруши, носки, наушники и надувной воротник. Старушка надевала носки, вставляла беруши, а воротник складывала в ящик комода.

Считала воротники, сравнивала с кольцами на небе. Считала, мечтала, что однажды собьется со счета и снова обнимет сына.

Той осенью старушка забыла, как выглядит сын, но не забыла, где стоит комод и как пахнут чайные розы. Она взяла последние воротники, закопала в землю и уснула, сидя у подоконника.

2

Весной тюльпаны рисуют татуировки на коже города. Они гордо держат бутоны на ровных спинках-стеблях.

Чтобы с неба было видно түйе табан перед главным входом вокзала. Верблюжий след говорит о дороге, шепчет напутствие, молится в спину уезжающим из города.

Чтобы с неба было видно қошқар мүйіз у главного университета. Бараний рог оплетает надежду студентов на благополучие даже, если они не очень ретиво учатся. Акимату поблизости тоже перепадает немного надежды.

Чтобы с неба было видно кусмурын и кусканат алого цвета, встречающих посетителей городского ЗАГСа. Клов и крыло птицы не сомневаются, что невесты станут вольными и счастливыми жёнами. Тюльпаны складывают горящие на солнце лепестки в девичьи ладони. Девичьи ладони прижимаются к сердцу.

Чтобы с неба было видно, как шимай закручивает Шымкент, благословляя на вечное движение. На каждом повороте спирали – новая возможность. Надо успеть, пока не пришло лето.

Летом лепестки горят на солнце, но с неба видно татуировки, которые дают жизнь городу и надежду. Даже если она потеряна.

Розы летом похожи на опалённые письма, которые всегда доходят до адресата. Розы прикрывают ободранные и полуразрушенные здания, украшают высохшую к июню траву на газонах.

– Кто высаживает эти мужественные цветы? – спрашиваю я у мамы.

– Когда-то давно планета крутилась так быстро, что растеряла почти все розы. Оставшаяся горстка семян от вращения поднялась к космосу, а потом рухнула так мощно, что угодила на двадцать сантиметров в почву.

– И вся горстка угодила в Шымкент?

– Конечно, куда же ещё.

Я срываю розу по дороге к дому.

– Нет шипов, – сжимаю в кулачке.

– Она доверчивая очень. Но ты её доверия не оправдала, – отвечает мама и заходит в магазин, чтобы купить вазу с узким горлышком.

Вечером роза опускает голову в сторону моей кровати, почти гладит опалёнными лепестками лоб и говорит, что каждый человек должен сорвать в своей жизни хотя бы одну розу, чтобы больше никогда этого не делать. Лепесток падает на щёку, впитывает слезу и сползает на подушку. К утру он свернётся в трубочку, через которую я тем же вечером буду смотреть на звёзды и мечтать, чтобы из космоса вернулось хотя бы одно маленькое зёрнышко. Оно упадёт около моего дома, и всё наладится.

КАШКАРКА

Из Кашкарки как-то трупы вытаскивали. Она попала в программу очищения города. Возможно, программа по-другому называлась, но технику привезли, людей привезли, и прямо с утра начали чистить зеленую, уставшую от мусора городскую реку. Река отдавала ковшу ил, гниль, свежие и не очень пластиковые бутылки, упаковки, пакеты, игрушки. Один трёхколесный «Балдырған» из ковша дважды выпадал, да так и остался в реке. А трупы – похожи на обгоревшие манекены. При мне только один достали, он на зубцах ковша висел. Я бы, может, и остальных дождалась, но в школу опаздывала.

На первом уроке я всё время думала о «Балдырғане», который не желал покидать реку. У меня был такой велосипед в раннем детстве. Кажется... Иногда я так явно мечтаю, что через время становлюсь уверенной: это со мной было, или они у меня были. Или он. Он у меня был. «Балдырған» – это «Малыш».

Рабига-апа говорила, что Кашкарку «наплакали». Родные наших воинов когда-то очень давно отправились к месту кровавого побоища с джунгарами. Никого живым не нашли. Но искали и плакали, смешивая кровь и слезы. Кровь-слеза текла, становилась увереннее, сильнее, вытекала ручейками, принимала в себя другие ручейки – ведь оплакивают и плачут повсеместно и по сей день. Апа ещё говорила, что купаться в том месте нельзя, только умыться.

А страшно же – умыться кровью. Да и слезами тоже.

Кашкарка сейчас увита золотой оградой, золото плачет под шымкентским летним солнцем, потому что плавится.

– Надо правильно говорить, – Рабига-апа мыла таз, вода лилась из старого ржавого крана. – Кошкар-ата. Кошкар – баран, символ мудрости.

– А у нас что? Мавзолеей барану построили у истока Кашкар... Кошкар-аты? – я не боялась бегать к Рабиге-апа к старому общежитию на берегу речки.

– Не барану, а суфию. Он владел языком животных и получил своё имя поэтому. Кошкар-ата.

– А как они связаны тогда, если реку наплакали люди?

– Много легенд у речки, все красивые. Просто их знать надо. Или не надо... Зачем? Вон, всё сейчас новое красивое. С этикетками какими, а?

Кош-ш-ш-шкар-ата. Кошшшшшкар. Правда говорил он на языке животных? Правда реку наплакали посреди Шымкента? Шшшшыыыыымкента. Зачем ты об этом думаешь, малыш. Малышшшшшш, которого никак не достанут из воды, да там и оставят. Малыш, похожий на обгоревший от времени труп. То ли был, то ли не был ты. И река – была не была. Была. Не была. Погадать на пальцах, опущенных в грязные воды священной реки, и забыть.

Рабига-апа умерла потом. Общежитие превратилось в бизнес-центр. Кашкарку почистили. И трупы вытащили. Но краска продолжает плакать на солнце, которое отражается в голубом куполе мавзолея.

Валерия Крутова – прозаик из Алматы. Постоянный автор литературных журналов «Дружба народов», «Юность», «Дактиль». Публиковалась в литературных журналах «Luterratura», «ФормаСлов». Координатор Открытой Литературной Школы Алматы. Координатор первой в Центральной Азии резиденции для писателей Almaty Writing Residency. Автор сборника рассказов «Наверность», вышедшего в книжной серии литературного журнала «Дактиль». Рассказы В. Крутовой переведены на казахский, английский, немецкий языки. Детские рассказы из сборника «ФтаройБэ» были прочитаны артистами в проекте «От пяти и до без конца», подготовленном МДТ-театр Европа (творческий руководитель Лев Додин). Полуфиналист литературных премий ФИКШН35 (2020), «Лицей» (2022), финалист литературной премии «Данко» (2021).

